

ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

PUBLIC AUTHORITIES: INSTITUTIONS AND PROCESSES

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 174–201.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 2, pp. 174–201.

Научная статья

УДК 32(470+571)(092)

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-174-201>

ЧЛЕНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЗАНЯТОСТИ ПОСЛЕ ОТСТАВКИ (ОТ Б. Н. ЕЛЬЦИНА К В. В. ПУТИНУ)

Денис Борисович Тев¹

¹ Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского

социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия, denis_tev@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-5442-7585>

Аннотация. Введение: динамика постправительственной карьеры является значимым предметом исследования, поскольку ее анализ позволяет прояснить характер взаимоотношений правительства с другими институтами власти, лучше понять поведение его членов, оценить устойчивость членства в элите и степень элитной интеграции в различные периоды. **Цель:** выявление сходств и различий в посткарьере членов правительств России, ушедших в отставку при президенте Ельцине и в послеельцинский период, и факторов, определяющих такие сходства и различия. **Методы:** статистически обработанная база данных, включающая биографические анкеты членов постсоветских кабинетов, которые хотя бы однажды выбывали из правительства. **Результаты:** сравнительный анализ постправительственной карьеры показал, что в послеельцинский период возросла роль федеральных административных органов, прежде всего Администрации Президента Российской Федерации, как места работы. Напротив, переходы в федеральный парламент стали более редкими, чему способствовало ослабление его роли, снизившее привлекательность законодательных позиций и проявившееся в падении значимости законодательного канала рекрутирования министров. Переходы в региональные администрации редки в оба периода, но в послеельцинское время члены правительства чаще становились губернаторами, чему способствовала централизация власти. Наконец, доля переходов из правительства в бизнес сходна в обе эпохи, как и некоторые другие характеристики пантуфляжа. Однако если при Ельцине чиновники, ушедшие в бизнес, чаще оказывались в частном секторе, то в последующее время – в основном в государственном. В оба периода пантуфляжу способствовали высокие доходы в коммерческой сфере и заинтересованность фирм

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

в привлечении на работу чиновников, усиленная кумовским характером капитализма. **Выводы:** постправительственная карьера в ельцинский и послеельцинский периоды демонстрирует значительные различия, что связано с изменениями в политическом и экономическом устройстве России, повлиявшими на привлекательность и доступность позиций в различных властных институтах.

Ключевые слова: постправительственная карьера, федеральная администрация, администрация президента, губернаторы, парламент, бизнес

Для цитирования: Тев Д. Б. Члены правительств постсоветской России: историческая динамика занятости после отставки (от Б. Н. Ельцина к В. В. Путину) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 174–201. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-174-201>.

Original article

POST-SOVIET RUSSIAN GOVERNMENTS MEMBERS: HISTORICAL DYNAMICS OF EMPLOYMENT AFTER RESIGNATION (FROM B. N. YELTSIN TO V. V. PUTIN)

Denis B. Tev¹

¹ Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, St. Petersburg, Russia, denis_tev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5442-7585>

Abstract. Introduction: the dynamics of a post-government career is a significant subject of research, since its analysis allows us to clarify the nature of the relationship between the government and other power institutions, to better understand the behavior of its members, to assess the stability of elite membership and the degree of elite integration in different periods. **Objectives:** to identify similarities and differences in the post-career of the Russian governments' members retired under President Yeltsin and in the post-Yeltsin period, and the factors that determine such similarities and differences. **Methods:** a database (collected data being further statistically processed) that includes biographical questionnaires on members of post-Soviet cabinets who had resigned at least once. **Results:** a comparative analysis of the post-government career has showed that in post-Yeltsin period the role of federal administrative bodies, primarily the Presidential Executive Office, as a place of work has increased. On the contrary, transitions to the federal parliament have decreased, due to the its weakening role, which reduced the attractiveness of legislative positions and manifested itself, in particular, in a decrease in its significance as a channel of ministerial recruitment. Transitions to regional administrations are rare in both periods, but in the post-Yeltsin era, government members more often became governors, due to centralization of power. Finally, the share of transitions from government to business is similar in both periods, as well as some other characteristics of pantouflage. However, while under Yeltsin the officials moving into business most often ended up in the private sector, later they mostly fit into the public sector. In both periods, pantouflage was fueled by high incomes in business and the companies' interest to hiring officials, reinforced by the crony capitalism. **Conclusions:** the post-government career in the Yeltsin and post-Yeltsin periods demonstrates significant differences associated with changes in the political and economic structure of Russia affecting the attractiveness and availability of positions in various power institutions.

Keywords: post-government career, federal administration, presidential administration, governors, parliament, business

---

For citation: Tev, D. B. (2023), "Post-soviet Russian governments members: Historical dynamics of employment after resignation (from B. N. Yeltsin to V. V. Putin)", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 2, pp. 174–201, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-174-201>.

ВВЕДЕНИЕ

Постправительственная карьера является значимым предметом исследования по ряду причин. Во-первых, ее анализ обнаруживает особенности данной общественно-политической системы, место в ней различных институтов власти (включая правительство, президента и его администрацию, парламент, региональные администрации, бизнес) и характер их взаимоотношений, отражением и закреплением которых в определенной степени служат элитные карьерные траектории. В этом смысле изучение динамики постправительственной карьеры, ее особенностей в различные исторические периоды способствует прояснению того, как эволюционировала рассматриваемая политическая система, как менялись роль и отношения властных структур. Во-вторых, знание карьеры правительственного деятеля после отставки позволяет лучше понять его политическое поведение во время осуществления полномочий. Ведь перспективы будущей занятости способны влиять на поведение представителя публичной власти, который может приспособлять его к интересам потенциального работодателя, что в иных случаях ведет к конфликту интересов и чревато нанесением ущерба государству и обществу (Cerrillo-i-Martínez, 2016, p. 357–358). В-третьих, анализ постправительственной карьеры важен для прояснения вопроса об устойчивости членства в элите в разные эпохи. Влечет ли за собой уход из правительства выпадение из административной элиты федерального уровня, и если да, то происходит ли выбытие из властной элиты вообще или переход в элитные группы иной функциональной специализации или уровня? Наконец, исследование постправительственной карьеры необходимо и для оценки степени внутри- и межфракционной элитной интеграции в различные периоды, одним из показателей и одновременно факторов которой могут выступать переходы членов правительственной элиты в другие властные группы, создающие динамические переплетения между ними (Hoffmann-Lange, 2018, p. 63).

В странах Запада проводился, особенно в последнее десятилетие, ряд исследований постправительственной карьеры в условиях развитых капиталистических демократий (Blondel, 1991; Nicholls, 1991; Claveria and Verge, 2015; Dörrenbächer, 2016; Gill, 2018; Rasmussen et al., 2021). В общем и целом они показали, что эта карьера зависит как от институциональных факторов, так и от политических ресурсов, которыми обладают министры, и существенно варьирует по странам. Обычно политико-административная сфера, включая правительственные органы, парламент (в первую очередь в Европе) и политические партии, играет важнейшую роль в качестве места занятости членов правительства после отставки, однако велико, особенно в США, и значение коммерческой сферы (бизнеса). Что касается динамики постправительственной карьеры, она также затрагивается в ряде работ. В частности,

К. Николс, сравнивая посткарьеру членов кабинетов США до и после 1896 года, приходит к выводу, что среди второй группы чиновников занятость в правительственной сфере после отставки значительно менее распространена, а посткарьеря в бизнесе, напротив, имеет место гораздо чаще. Он связывает эти различия отчасти с «возросшим доминированием делового сообщества в правительственных делах промышленно развитой страны» и существенно снижением привлекательности правительственной карьеры в сравнении с карьерой в бизнесе (Nicholls, 1991, p. 169). Н. Дорренбахер, проанализировав посткарьеру членов правительств ФРГ 1949–2014 годов, утверждает, что практика переходов министров в частный сектор («вращающиеся двери») стала более распространенной с 1980-х годов, и связывает это с тем, что «заинтересованные группы, лоббистские фирмы и транснациональные фирмы все более профессионализируют свои попытки влиять на формирование политики», увеличивая спрос на бывших политиков (Dörrenbacher, 2016, p. 476). Наконец, Т. Гилл, сравнивая роль бизнеса как места работы членов кабинетов при различных президентах США в период с 1968 по 2018 год, показывает, что хотя она существенно варьировала, но всегда была довольно велика: во всех администрациях опыт работы в корпоративной сфере после отставки имели более половины чиновников (Gill, 2018).

Работ, посвященных постправительственной карьере в России, совсем немного. Проведено исследование карьеры членов постсоветских правительств России после отставки в 1991–2017 годах, выявлены ее институциональные каналы (прежде всего это административные органы и бизнес, в меньшей степени – научно-образовательные организации и легислатуры) и факторы, определяющие переходы чиновников в различные сферы занятости (Тев, 2019). Однако предметом указанного исследования были только общие характеристики посткарьеры за весь постсоветский период, а не ее историческая динамика; особенности посткарьеры при различных президентах почти не затрагивались. Этот вопрос отчасти рассматривался в более раннем исследовании О. В. Крыштановской и С. Уайта. Говоря о постправительственной карьере и вообще карьере после отставки с элитной должности при президенте Б. Н. Ельцине, они отмечают, что в этот период исполнительная власть во многом утратила контроль над каналами элитной мобильности, а количество «недовольных и обиженных отставников» увеличилось (Kryshtanovskaya and White, 2005, p. 218–219). При этом между разными правительствами того времени имелись существенные различия в плане каналов карьеры их членов после отставки. Так, бывшие члены правительства Е. М. Примакова гораздо чаще избирались депутатами, а члены правительства Е. Т. Гайдара и В. С. Черномырдина чаще возглавляли предприятия, становились государственными служащими более низкого уровня или возвращались к своей первоначальной профессии (Kryshtanovskaya and White, 2005, p. 214). Что касается изменений, произошедших с приходом к власти В. В. Путина, то отмечается, что он начал восстанавливать контроль над каналами элитной мобильности: на смену «произвольным и стремительным» увольнениям прежнего периода пришла «новая стабильность кадров», перемещения чиновников приняли «более продуманный и систематический характер», вместо перехода в «экс-элитные

зоны» отставники стали получать синекуры. Впрочем, авторы статьи, опубликованной в 2005 году, отмечают, что президентство Путина продолжалось недостаточно долго, чтобы дать возможность для окончательного анализа формирования элиты, и по большинству показателей характер отставок изменился относительно мало (Kryshtanovskaya and White, 2005, p. 219–220).

Несмотря на значимость проведенных исследований постправительственной карьеры в России, ее динамика в постсоветский период изучена недостаточно. Причем особый интерес представляет сравнительный анализ характеристик посткарьеры членов правительств, ушедших в отставку при президенте Ельцине (1991–1999), с одной стороны, и в постельцинский период, при президентах Путине и Медведеве (2000–2022), с другой. Это связано со значительными изменениями, произошедшими в политической и экономической системе, и прежде всего во взаимоотношениях различных властных акторов. Среди таких изменений можно назвать централизацию власти, усиление президентской власти, ослабление автономии парламента, укрепление государственного сектора в экономике. Эти и другие тенденции могли существенно повлиять как на привлекательность, так и на доступность (Borchert, 2011) различных властных позиций для отставных членов правительства и, в связи с этим, на постправительственную занятость. Таким образом, целью проведенного исследования было выявление сходств и различий в постправительственной карьере членов правительств, ушедших в отставку при разных президентах, а также факторов, обуславливающих такие сходства и различия.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирической основой исследования стала биографическая база данных, включающая сведения о членах постсоветских (действовавших с 6 ноября 1991 года) правительств России, которые по состоянию на январь 2023 года хотя бы однократно выбывали из высшего органа федеральной исполнительной власти. При этом в базу данных не включались две категории должностных лиц. Во-первых, председатели правительств республик в составе Российской Федерации, до декабря 1993 года входившие в правительство. Во-вторых, персоны, которые не были утверждены в качестве «полноправных» министров, но лишь временно исполняли обязанности, нередко оставаясь в должности заместителя министра и иногда сохраняя ее после прекращения их исполнения. Нужно сказать, что правительственные позиции, которые занимали включенные в базу данных персоны, разнообразны. Это не только председатели правительства, вице-премьеры и министры, но и председатели государственных комитетов (до декабря 1993-го), а также председатели Российского фонда федерального имущества, Пенсионного фонда России и Центрального банка России, в 1993 году входившие в состав правительства.

В соответствии с целью исследования база данных была разделена на две основные части: первая включила правительственных деятелей, ушедших в отставку в период президентства Ельцина (до 31 декабря 1999 года), а вторая – членов правительств Российской Федерации, покинувших должность

во время президентств Путина и Медведева (после 31 декабря 1999 года). Целесообразность анализа отставников периодов правления второго и третьего российских президентов в качестве общего массива связана с двумя обстоятельствами. С одной стороны, их количество при Медведеве невелико (всего 14 человек), а с другой – во время его президентства ключевые характеристики политического устройства России, сложившиеся после прихода к власти Путина, в основном сохранялись, хотя и в видоизмененной форме. Впрочем, при изложении результатов исследования будут сделаны оговорки, касающиеся специфики посткарьеры членов правительства, ушедших в отставку при Медведеве.

Как в ельцинский, так и в послеельцинский период некоторые персоны неоднократно, но с перерывом входили в правительство и неоднократно покидали его, поэтому, как показано в таблице 1, число выбытий (исключая один случай смерти в должности) и потенциальных постправительственных карьерных траекторий больше, чем количество персон, включенных в оба подраздела базы данных. При этом в двух случаях, когда члены правительства выбывали из него на очень короткое время (несколько дней) и вновь входили в этот орган, не занимая в промежутке иных позиций, членство в правительстве условно считалось непрерывным.

Таблица 1 / Table 1

**Количественные характеристики исследуемой совокупности /
Quantitative characteristics of the studied population**

Параметр	Президентство Ельцина	Президентства Путина и Медведева
Количество членов правительства, выбывших из него, исключая тех, кто умер в должности, чел.	136	122
Количество выбытий из правительства, исключая случаи смерти в должности	145	131

Источник: составлено автором.

На каждую из включенных в базу данных персон была заполнена биографическая анкета, содержащая, в частности, информацию о дате рождения, типе высшего образования, карьерном пути как до вхождения в правительство, так и после выбытия из него. В качестве источников биографических сведений использовались сайты органов государственной власти, коммерческих организаций и иных структур, отчеты компаний, материалы СМИ, биографические интернет-порталы. Собранные данные затем статистически обрабатывались.

Говоря о предмете исследования, нужно отметить, что под постправительственной карьерой обычно понималась занятость после выбытия из правительства в связи с уходом с соответствующей должности: премьер-министра, вице-преьера, министра и проч. Но ряд должностных лиц, включенных в исследуемую совокупность, выбыли из правительства раньше, чем покинули

свою должность. Это прежде всего председатели государственных комитетов Российской Федерации, после принятия Конституции 1993 года исключенные из правительства. В этих случаях исследовалась занятость после ухода с той должности, пребывание на которой обеспечило в прошлом членство в правительстве.

Необходимо также отметить, что изучалась не вся карьера членов правительства после отставки, а только занятость, более или менее непосредственно следующая за уходом с должности, то есть акцент делался на выявлении того, прямым трамплином к каким позициям была правительственная должность в различные исторические периоды. Это вызвано двумя соображениями. Во-первых, логично предположить, что именно прямые (в сравнении с косвенными) переходы с правительственного поста на иные позиции обычно в наибольшей мере обусловлены спецификой сопряженных с этой должностью ресурсов, возможностей и амбиций. Во-вторых, исследование непосредственной постправительственной занятости предпочтительно в плане обнаружения ее специфики, характерной для времени правления именно того президента, при котором произошла сама отставка, и «привязки» выявленных тенденций карьерной мобильности к особенностям политико-экономической системы данного периода. Говоря конкретнее, при исследовании занятости правительственных деятелей, покинувших свой пост в конце президентства Ельцина, сразу или спустя краткое, например один год, время после отставки мы (почти) не выходим за пределы периода его правления, но если их постправительственную позицию фиксировать на момент через пять или, скажем, десять лет после отставки, то велика вероятность того, что вхождение в нее произошло уже в существенно иных реалиях правления другого главы государства. Учитывая эти обстоятельства, при изучении постправительственной карьеры использовались два показателя: работа сразу после ухода с должности и, поскольку иногда информация о непосредственной занятости отсутствует, работа через один год после ухода с должности. Представляется, что их сочетание позволяет полнее и надежнее раскрыть характер посткарьеры членов правительства. Впрочем, при фиксации занятости допускалась известная приближенность. В тех случаях, когда вхождение члена правительства в новую должность произошло не совсем сразу, но через небольшой промежуток времени (не более трех-четырёх месяцев после отставки), условно считалось, что оно имело место сразу после ухода из правительства (аналогичный подход был принят и при учете постправительственной занятости через один год после отставки).

Наконец, следует отметить, что при анализе постправительственной карьеры акцент был сделан на занятости в трех важнейших сферах, соответствующих основным функциональным фракциям властной элиты: административной, политической и экономической.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Постправительственная занятость в административной сфере

Таблица 2 показывает опыт работы в административных органах бывших членов правительства, покинувших его при разных президентах.

Таблица 2 / Table 2

Постправительственная занятость в административной сфере, % /
Post-government employment in the administrative sphere, per cent

Уровень администрации	Работа сразу после ухода из правительства		Работа через год после ухода из правительства	
	Отставки в период президентства Ельцина (N = 145)	Отставки в период президентств Путина и Медведева (N = 131)	Отставки в период президентства Ельцина (N = 144*)	Отставки в период президентств Путина и Медведева (N = 130**)
Федеральная администрация	32	47	29	49
В том числе:				
Администрация Президента Российской Федерации	10	27	8	28
Элитные должности в федеральных органах исполнительной власти и Администрации Президента Российской Федерации	22	42	24	43
Региональная администрация	2	3	1	3
Местная администрация	0	0	0	0
Всего в административных органах федерального, регионального и местного уровня	34	50	30	52

Примечание: * – в этой и следующих таблицах N для занятости отставников периода правления Ельцина через один год после их ухода из правительства меньше, чем для их занятости сразу после ухода с должности, поскольку один из них умер ранее указанного срока; ** – в этой и следующих таблицах N для занятости отставников периода правления Путина и Медведева через один год после их ухода из правительства меньше, чем для их занятости сразу после ухода с должности, поскольку со времени отставки одного из них к моменту проведения исследования еще не прошел один год.

Источник: составлено автором.

Виден ряд тенденций: в сравнении с членами правительства, выбывшими из него во время президентства Ельцина, среди отставников послеельцинского периода существенно шире распространены переходы в администрацию пре-

зидента (далее – АП), в административную сферу вообще и на элитные должности в федеральных административных органах в частности. В то же время частота переходов в региональную исполнительную власть изменилась незначительно. Рассмотрим эти тенденции и обуславливающие их факторы.

Работа бывших членов правительства в АП

Значение АП как канала непосредственной посткарьеры членов правительства при Путине и Медведеве, в сравнении с ельцинским периодом, возросло примерно втрое. Если из тех, кто ушел в отставку при первом президенте, в его аппарат сразу перешел каждый десятый, то в последующий период – более четверти (причем при Медведеве (N=14) – более трети). Анализ занятости через год после ухода из правительства показывает еще больший разрыв – в три с половиной раза. Чем могут быть обусловлены такие различия?

Говоря о политических событиях, очевидно и довольно сильно способствовавших миграции членов правительства в АП в послеельцинский период, следует назвать рокировку президента и премьер-министра в мае 2012 года, вызвавшую соответствующий переток властных кадров (что неудивительно, учитывая значимость личных связей в России как фактора элитного рекрутирования). Тогда пять бывших министров стали помощниками президента и по одному – его советником, заместителем руководителя АП и заместителем секретаря Совета безопасности Российской Федерации.

Что касается более глубоких и постоянно действующих факторов рассматриваемой миграции, то может иметь значение существенное усиление роли АП в государственной и политической системе России. Оно наблюдалось уже во второй срок президентства Ельцина, после того как в 1996 году АП возглавил А. Б. Чубайс (Зуйков, 2012), но особенно проявилось в период правления Путина, в условиях персоналистской автократии, сложившейся к середине 2000-х годов. В целом за время своего существования АП проделала путь от «относительно скромной группы помощников президента» (Апануев, 2018, р. 39) и, при ее руководителе в 1993–1996 годах С. А. Филатове, «своеобразного научно-исследовательского института по проблемам демократии в России» (Ельцин, 2008, с. 233) до основного политического института, «командного центра, из которого Кремль управляет политикой на всех уровнях» (Апануев, 2018, р. 39), своего рода «второго издания ЦК КПСС» при Путине. Важный показатель увеличения власти и автономии АП, чьи функции постепенно расширялись и дифференцировались, – рост ее доли в государственном бюджете: если в 1994 году она составляла 0,1 %, то к 2000-му превысила 0,55 % (резкий рост произошел в 1999-м), а к 2014 году достигла почти 0,8 % (Burkhardt, 2021, р. 480–482). Увеличение властных возможностей АП, вероятно, повысило привлекательность ключевых позиций в ней для членов правительства, усилил их мотивацию к переходу в аппарат президента после отставки. Тем более что эти должности довольно щедро вознаграждаются: при Путине зарплаты в АП стали одними из самых высоких в федеральной администрации¹.

¹ *Иваницкая Н.* Генералы в серых костюмах: сколько зарабатывают в Кремле и Белом доме [Электронный ресурс] // Forbes. 2013. 12 марта. URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/235448-generalny-v-seryh-kostyumah-skolko-zarabatyvayut-v-kremle-i-belom-dome> (дата обращения: 09.02.2023).

В то же время на доступность в различные периоды должностей в АП для отставных членов правительства неоднозначно влиял ряд факторов, определяющих как предложение соответствующих властных позиций, так и спрос на них. С одной стороны, несмотря на усиление АП, численность ее штата после значительного роста в первые годы существования оставалась довольно стабильной с середины 1990-х по настоящее время (Burkhardt, 2021, р. 490–492). В частности, количество таких потенциально доступных отставным членам правительства ключевых позиций, как заместители руководителя АП, помощники и советники президента, значительно колебалось в постсоветский период, хотя при Путине появились новые элитные посты, прежде всего, полномочные представители в федеральных округах. Но нужно учитывать и то, что в послеельцинский период стабильность кадров в АП существенно возросла, и сокращение частоты их сменяемости негативно влияло на количество вакансий в этом органе, доступных выходцам из правительства. Как пишет Й. Борхерт, «должности с высокой текучестью кадров, очевидно, более доступны для не-инкубентов, чем другие» (Borchert, 2011, р. 122). С другой стороны, говоря о факторах спроса, важно отметить, что и члены правительства при Путине и Медведеве уходили со своих должностей реже, чем при Ельцине: за восемь лет (1991–1999) было больше отставок, чем за последующие два с лишним десятилетия (2000–2022). Эта разница объясняется особенно большим числом должностей и, соответственно, членов в первых постсоветских кабинетах, которые до 1993 года включали не только премьера, вице-премьеров и министров, но и целый ряд других руководителей, а также менее частой сменяемостью правительственных кадров при Путине, что может быть обусловлено и большей социальной и политической стабильностью этого периода, и складыванием авторитарного режима, и особенностями характера и стиля руководства Путина в сравнении с Ельциным (Стрелец, 2019). Уменьшение количества отставных правительственных кадров в путинский период должно было влиять на спрос на ключевые позиции в АП в направлении, противоположном воздействию роста их привлекательности, – снижая его и тем самым облегчая трудоустройство в этот орган.

Важным показателем возросшей роли АП в послеельцинский период может служить и повышение ее значимости как канала рекрутирования членов правительства, особенно вице-премьеров (этому также сильно способствовала рокировка первых лиц государства). Если при Ельцине предшествующий опыт работы в АП имели примерно 11 % членов правительства, вошедших в исследуемую совокупность, причем 8 % были прямыми выходцами из нее, то при Путине и Медведеве – более четверти (26 %), а 15 % вышли непосредственно оттуда. Рост распространенности среди правительственных деятелей предшествующего опыта работы в АП, а значит, и соответствующих компетенций и связей (доверительных отношений с президентом и ключевыми чиновниками его аппарата) также мог способствовать учащению переходов туда после отставки. По крайней мере, среди членов правительства, ушедших в АП, такой опыт встречается заметно чаще, чем во всей исследуемой совокупности.

Вообще, интенсивный обмен кадрами между правительством и АП в путинский период, по-видимому, является во многом результатом сознательной стратегии главы государства. Ведь двустороннее движение персонала благоприятствует взаимопониманию и взаимодействию (и в этом смысле сплочению) соответствующих сегментов административной элиты и обмену компетенциями между ними. Кроме того, обмен кадрами способствует усилению контроля президента над исполнительной властью и смягчению разделяющей правительственную элиту ведомственной и секторальной лояльности, оказывая на нее интегрирующий и дисциплинирующий эффект (Huskey, 2010, p. 367). В частности, перспектива будущей занятости в президентском аппарате может усиливать мотивацию членов правительства к тому, чтобы приспособлять свое политическое поведение к интересам главы государства и его ближайшего окружения.

Работа бывших членов правительства в федеральной администрации в целом и их принадлежность к административной элите федерального уровня

Доля правительственных деятелей, сохранивших членство в федеральной административной элите сразу и через один год после ухода с должности, существенно выше при Путине и Медведеве – более 40 %, чем при Ельцине – не более четверти (см. таблицу 2). К элитным, в частности, относятся и нижестоящие посты в федеральных органах исполнительной власти (заместители министров, руководители комитетов, служб и пр.), на которые иногда переходили члены правительства (14 % отставников эпохи Ельцина и 11 % отставников при Путине и Медведеве). Соответственно, доля тех, кто выпал из федеральной административной элиты сразу после отставки, выше в ельцинский период. В этом смысле можно говорить о том, что с точки зрения посткарьереры членов правительства устойчивость членства в федеральной административной элите повысилась. Значительно возросла в постельцинский период и доля тех, кто сразу или в течение года после отставки продолжил работу в федеральной администрации в целом, в том числе на неэлитных постах (с менее трети до без малого половины). Можно поэтому утверждать, что с точки зрения непосредственной посткарьереры членов правительства федеральная административная элита, частью которой эти деятели являются, стала в постельцинский период более обособленной и замкнутой.

С чем могут быть связаны эти тенденции? Непохоже, что с возрастными различиями, поскольку доля членов правительства, покинувших свой пост в пожилом возрасте (60 и 65 лет и старше), когда возможности занимать должности в административной системе сокращаются в силу законодательных ограничений предельного возраста пребывания на государственной службе и / или ухудшения состояния здоровья, в ельцинский период несколько меньше, чем при Путине и Медведеве. Может быть, однако, важен другой, уже отмеченный, фактор. При Ельцине члены правительства сменялись значительно чаще. Таким образом, количество отставных правительственных кадров и, следовательно, их спрос на элитные позиции в федеральной администрации были выше, чем в путинский период, поэтому найти соот-

ответствующие высокие посты всем желающим было, вероятно, труднее. Значение может иметь и то, что кадровая политика при Путине, по утверждению некоторых исследователей, стала более осторожной, продуманной и прагматичной (Kryshchanovskaya and White, 2005, p. 219–220; Petrov, 2017, pp. 118–121), чем при Ельцине, что, как уже говорилось, отчасти обусловлено различием характеров и стилей руководства названных лидеров. Это, по-видимому, проявилось не только в меньшей частоте отставок с правительственных должностей, но и в более бережном, внимательном отношении к отставникам, в более систематических усилиях по их трудоустройству на элитные посты, в том числе и с целью обеспечения последующей лояльности.

Работа бывших членов правительства в региональных администрациях

Как показывает таблица 2, непосредственные переходы министров в региональные администрации редки в оба периода – 1–3 %, но в послеельцинское время они происходили чаще (тогда как в местные администрации прямых перемещений вообще не было в обе эпохи). При этом стало больше прямых перемещений именно на посты глав регионов². При Ельцине, в условиях значительной децентрализации и относительно слабого контроля президента над рекрутированием глав региональных администраций, был всего один такой пример – министр А. Г. Тулеев, в советское время возглавлявший Кемеровский облисполком, стал губернатором Кемеровской области. Он был назначен президентом во многом вынужденно, в ситуации роста социальной напряженности в Кузбассе, и затем избран, причем при поддержке блока «Народно-патриотический союз России», оппозиционного Ельцину.

В послеельцинский период в общей сложности пятеро членов правительства (в том числе трое, то есть более одной пятой отставников, при Медведеве (N=14)) занимали посты губернаторов сразу и / или через год после ухода с должности, причем четверо были первоначально утверждены законодательными собраниями по представлению президента и только один избран населением. Централизация власти неоднозначно влияла на движение кадров из правительства и вообще федеральной администрации на посты губернаторов. С одной стороны, сокращение региональной автономии могло ослаблять заинтересованность правительственных чиновников в переходе на должности глав субъектов Российской Федерации. С другой, усиление федерального контроля над регионами (включая рекрутирование губернаторов) с приходом Путина также и позитивно связано с такими карьерными переходами. Ведь рекрутирование губернаторов, особенно крупнейших, стратегически важных регионов, из числа членов федерального правительства, лично знакомых президенту и пользующихся его доверием, служит одной из форм проявления и способов упрочения контроля главы государства и вообще центра над региональной властью. В основном такие субъекты Российской Федерации, а именно Москву, Санкт-Петербург и Московскую область, и возглавляли сразу или спустя один год после отставки бывшие члены правительства

² Это согласуется с результатами исследований, которые показывают, что доля выходцев из федеральной администрации в губернаторском корпусе в 2000–2010-е годы существенно возросла (Флягин, 2020, с. 34).

при Путине и Медведеве. Укрепление «вертикали власти» способствовало движению кадров и в обратном направлении, из региональных администраций в федеральную. Доля членов правительства с опытом работы в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в том числе непосредственно перед назначением, в послеельцинский период была выше. Вообще говоря, предшествующий опыт работы на региональном уровне и, значит, наличие соответствующих компетенций и, возможно, связей может облегчать переход на пост главы региона после отставки. Кстати, при Путине и Медведеве доля деятелей с таким опытом среди тех, правда немногих, членов правительства, которые после отставки стали губернаторами, была выше, чем во всей исследуемой совокупности.

Работа бывших членов правительства в федеральном парламенте

В таблице 3 показана распространенность членства в представительных органах бывших правительственных деятелей, ушедших в отставку при разных президентах.

Таблица 3 / Table 3

Постправительственная занятость в представительных органах, % / Post-government employment in representative bodies, per cent

Представительные органы	Работа сразу после ухода из правительства		Работа через год после ухода из правительства	
	Отставки в период президентства Ельцина (N = 145)	Отставки в период президентств Путина и Медведева (N = 131)	Отставки в период президентства Ельцина (N = 144)	Отставки в период президентств Путина и Медведева (N = 130)
Федеральное Собрание Российской Федерации	12*	4	20	6
В том числе:				
Совет Федерации	2	2	3	3
Государственная Дума	10	2	17	3
Региональные	1	0	1	0
Местные	0	0	0	0
Всего в представительных органах	13	4	21	6

Примечание: * – один член правительства некоторое время после отставки заседал в Верховном Совете Российской Федерации.

Источник: составлено автором.

Мы видим снижение значимости федерального парламента как непосредственного канала посткарьерной занятости членов правительства во время правления Путина и Медведева в сравнении с ельцинским периодом. Доля членов прави-

тельства, оказавшихся в Федеральном собрании (далее – ФС) сразу или через один год после отставки, сократилась соответственно в три и почти в три с половиной раза. Но произошло это за счет уменьшения частоты переходов в нижнюю палату – Государственную Думу (далее – ГД), тогда как перемещения в верхнюю палату – Совет Федерации (далее – СФ) остались на прежнем уровне.

Чем могут быть обусловлены эти тенденции? Как представляется, важным фактором стало изменение в политической системе роли парламента, который при Ельцине был более значим и самостоятелен, чем в дальнейшем. Что касается Верховного Совета Российской Федерации (далее – ВС РФ), функционировавшего в первые годы правления Ельцина, то он обладал весьма широкими полномочиями, в том числе и в отношении формирования кабинета, и в последний год своей работы непримиримо противостоял президенту. После его разгона и принятия Конституции 1993 года баланс власти резко сместился в пользу главы государства. Но в 1990-е годы ФС (и верхняя, и нижняя палаты) было относительно независимым от главы государства (особенно ГД второго созыва, контролируемая левой оппозицией) и существенно ограничивало свободу действий президента и исполнительной власти, в том числе оказывая влияние на состав правительства (Huskey, 1999, p. 163–182). Последнее ярко проявилось в отказе от утверждения премьер-министром В. С. Черномырдина в марте 1998 года и назначении на этот пост Е. М. Примакова, пользовавшегося широкой поддержкой в ГД. В дальнейшем, к концу первого срока президентства Путина, в условиях формирования персоналистской автократии (Голосов, 2021, с. 99) ГД оказалась, посредством пропрезидентской партии «Единая Россия», под контролем главы государства; самостоятельность и влияние СФ также резко ослабли после удаления оттуда региональных лидеров и вообще по мере централизации власти. Несмотря на предусмотренную Основным законом смешанную форму правления в Российской Федерации, подотчетность и ответственность правительства перед парламентом ныне, по сути, фиктивны (Fish and Kroenig, 2009, p. 560–562; Noble and Schulmann, 2018, p. 55–75).

Вместе и отчасти в связи с ослаблением при Путине самостоятельной роли федерального парламента уменьшилось его значение в качестве канала рекрутирования правительственной элиты. Среди членов правительства, ушедших в отставку при Ельцине, почти четверть (23 %) имели предшествующий опыт работы народным депутатом Российской Федерации последнего созыва или членом ФС³, а среди тех, кто покинул правительство в послеельцинский период, – только каждый шестой (17 %). Причем прямое рекрутирование министров из федеральной легислатуры сократилось более чем втрое (с 17 до 5 %). Если же учесть и тех членов правительства, которые были народными депутатами СССР последнего созыва, то разрыв еще более увеличится.

Эти тенденции могут быть существенно связаны с изменением места парламентского опыта в посткарьерной жизни членов правительства. Ослабление автономии ФС, превращение его в преимущественно декоративный орган, вероятно,

---

³ Следует, кстати, отметить, что во время функционирования ГД и СФ первого созыва (1993–1995) допускалось совмещение парламентской позиции с правительственным постом, так что ряд министров, например, Э. А. Памфилова, уже занимая свою должность, избирались в легислатуру, а затем продолжали заседать в ней и после отставки.

снизило привлекательность парламента для отставных министров в качестве места последующей карьеры. Несмотря даже на то, что высокое вознаграждение и другие привилегии депутатов и сенаторов, приравненных в отношении социальных гарантий к федеральным министрам, по-прежнему придают парламентским позициям некоторую притягательность в качестве синекур. Уменьшению привлекательности парламентской посткарьеры в постельцинский период способствовал и рост доступности для членов правительства элитных позиций в федеральной администрации, прежде всего в АП, обусловленный вышеуказанными причинами.

В 1990-е годы при относительно слабом контроле президента над политической жизнью, включая процесс формирования парламента, член правительства, отправленный в отставку, мог даже вопреки воле главы государства, избраться в ГД и, оставшись в большой политике, играть в ней самостоятельную роль. В эти годы есть примеры, когда отставные члены правительства участвовали в создании общественно-политических организаций и в качестве их лидеров оказывались в ГД, иногда входя в оппозиционные фракции. Так, экс-министр обороны И. Н. Родионов стал одним из основателей Движения в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки, а затем (правда, уже спустя более двух лет после отставки) был избран в ГД, войдя во фракцию КПрФ. Бывший премьер-министр Е. М. Примаков в качестве лидера блока «Отечество – Вся Россия» был избран в ГД, войдя в одноименную фракцию. Экс-вице-премьер Б. Е. Немцов возглавил движение «Россия молодая», а в ГД стал одним из лидеров фракции «Союз правых сил»; в ту же фракцию вошел и бывший премьер-министр С. В. Кириенко, до этого ставший главой движения «Новая сила». В постельцинский период таких случаев не было.

Снижение роли парламента как канала рекрутирования министров в постельцинский период также может негативно влиять на вероятность перехода министров туда после отставки. Наличие предшествующего парламентского опыта и соответствующих компетенций (навыков избирательной борьбы и законодательной работы) и связей в парламентской и партийной элитах, вероятно, облегчает переход в легислатуру после отставки. По крайней мере, в оба сравниваемых периода предшествующий вхождению в правительство парламентский опыт чаще встречается среди министров, которые оказывались в парламенте сразу после отставки, чем во всей исследуемой совокупности. Среди примеров правительственных деятелей ельцинского периода, которые вышли непосредственно из ГД и вернулись туда в течение одного года после отставки, можно назвать вице-преьера Ю. Д. Маслюкова и министра Г. М. Ходырева, представлявших в ГД как до назначения, так и после отставки фракцию КПрФ. Учитывая их принадлежность к оппозиции и связанную с этим ограниченность возможностей постправительственного трудоустройства (например, в АП), возвращение в ГД было для них, пожалуй, самым логичным вариантом продолжения карьеры.

Вместе с тем следует оговориться, что существенные изменения роли парламента в политической системе и процесса его формирования и функционирования, произошедшие в путинский период, далеко не обязательно нега-

тивно влияли на его значение как канала посткарьеры членов правительства. Прежде всего, усиление контроля главы государства над ФС расширяло его возможности перемещать туда отставных министров, в том числе на ключевые посты. Более того, рекрутирование членов правительства, пользующихся доверием главы государства, на высшие парламентские должности может рассматриваться как форма проявления и способ упрочения такого контроля. Здесь можно привести примеры некоторых членов правительства, при Путине и Медведеве сразу перешедших на ключевые позиции в легислатуре: министр внутренних дел Б. В. Грызлов стал спикером ГД, а вице-премьер А. Д. Жуков занял пост вице-спикера (но были и косвенные перемещения – в частности, вице-премьеры В. В. Володин и В. И. Матвиенко стали соответственно спикерами ГД и СФ). Кроме того, возможности президента и его администрации трудоустроить в ФС отставных правительственных деятелей, как и число потенциально доступных им парламентских позиций, расширились благодаря изменению порядка формирования СФ, удалению оттуда губернаторов и спикеров и замене их представителями региональных властей, работающими на постоянной основе и отбираемыми под контролем АП. Неслучайно, как уже отмечалось, распространенность прямых переходов в СФ в постельцинский период, несмотря на ослабление этого органа, осталась примерно на том же уровне. В качестве примеров чиновников, получивших синекеры в СФ, можно назвать министров А. С. Гаврина и А. Н. Дондукова.

Постправительственная занятость в коммерческой сфере

Распространенность переходов в бизнес среди членов правительства, выбывших из него при разных президентах, показана в таблице 4.

Таблица 4 / Table 4

Постправительственная занятость в бизнесе, % / Post-government employment in business, per cent

Работа в бизнесе сразу после ухода из правительства*		Работа в бизнесе через год после ухода из правительства*	
Отставки в период президентства Ельцина (N = 145)	Отставки в период президентств Путина и Медведева (N = 131)	Отставки в период президентства Ельцина (N = 144)	Отставки в период президентств Путина и Медведева (N = 130)
19	21	26	29

Примечание: * – без учета членства чиновников в советах директоров в качестве представителей государства.

Источник: составлено автором.

Как видим, доля таких переходов (как правило, на ключевые позиции) сходна в оба периода, хотя в целом в послеельцинскую эпоху она несколько возросла (при этом среди немногих отставников периода правления Медведева прямой пантуфляж не встречается). Сопоставимы и некоторые другие характеристики «вращающихся дверей». Доля тех, кто перешел в собственный или семейный бизнес, невелика и примерно одинакова при Ельцине и после него (несколько случаев). В обе эпохи довольно выражена тенденция перехода чиновников в компании, принадлежащие к тем отраслям, которые они курировали, будучи в должности. При этом в оба периода заметную роль в качестве места работы бывших членов правительства играли компании финансового сектора и топливно-энергетического комплекса. К сожалению, строго сравнить долю министров, оказавшихся после отставки на ключевых позициях в крупнейших компаниях и, таким образом, в общенациональной экономической элите, затруднительно в силу недоступности рейтингов таких фирм за весь постсоветский период, сформированных по единой методике. Но можно утверждать, что и при Ельцине, и в последующее время члены правительства, переходившие в бизнес, в основном устраивались в довольно крупные компании, занимавшие ведущие позиции в своих отраслях. Причем в путинский период порядка половины таких персон перешли в структуры, входившие в рейтинг крупнейших компаний России по версии журнала «Эксперт»⁴ (в большинстве случаев они заняли ключевые посты, то есть вошли в состав общенациональной экономической элиты). При указанных сходных тенденциях существенное различие состоит в том, что если при Ельцине члены правительства, ушедшие в бизнес, чаще всего оказывались в частном секторе, то в последующий период – в основном в государственном.

Какие факторы могут влиять на переходы членов правительства в бизнес и на их особенности в рассматриваемые периоды? Во-первых, говоря о карьерных интересах и амбициях членов правительства, следует отметить, что правительственные посты являются одними из высших позиций в государственной системе и достижение потолка, пика карьеры в этой властной иерархии, невозможность или маловероятность дальнейших вертикальных перемещений в ее рамках могут побуждать к переходу из государственного аппарата в коммерческую сферу. Тем более что ключевые позиции в крупном бизнесе обладают привлекательностью, поскольку приносят высокие доходы. В частности, щедрые вознаграждения топ-менеджеров крупных компаний при Путине, существенно превышающие зарплаты членов правительства, широко освещались в СМИ⁵ (по президентству Ельцина данные гораздо более фрагментарны). Впрочем, не стоит преувеличивать мотивацию к пантуфляжу, учитывая, что государственные деятели имеют различные привилегии

⁴ *Эксперт-400* [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/expert400/2022/> (дата обращения: 09.01.2023).

⁵ Березанская Е. Кто в России получает самую большую зарплату [Электронный ресурс] // Forbes. 2012. 19 нояб. URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya/rating/kompanii/211481-gosudarevyy-slugi-kto-v-rossii-poluchaet-samuyu-bolshuyu-zarplatu> (дата обращения: 18.01.2023); Якорева А., Жолобова М., Мязина Е. Исследование РБК: сколько заработали сотрудники госкомпаний в 2015 году [Электронный ресурс] // РБК. 2016. 17 февр. URL: <https://www.rbc.ru/research/business/17/02/2016/56c38c9d9a794798ed4f8e69> (дата обращения: 18.01.2023).

и в целом более стабильные и гарантированные зарплаты. Причем в послеельцинский период официальные зарплаты ключевых чиновников, в том числе министров, значительно возросли и, по некоторым данным, разрывы между ними и средней зарплатой по стране существенно увеличились (в начале 1990-х они были сравнительно невелики)⁶.

Во-вторых, важна заинтересованность государственных деятелей в продвижении своих коллег на ключевые позиции в бизнесе, прежде всего в компаниях государственного сектора, на рекрутирование руководства которых они оказывают решающее влияние. В ее основе могут лежать различные факторы: соображения укрепления контроля над госкомпаниями, дружеские отношения и желание пристроить «своего человека», стремление обеспечить лояльность отставников. Представляется, что значимость мотивов упрочения контроля над госкомпаниями посредством назначения на ключевые позиции в них доверенных лиц руководителей государства, и прежде всего президента, возросла, когда приватизация и ослабление государственного влияния на экономическую жизнь сменились в послеельцинский период политикой расширения и укрепления государственного сектора и крупные госпредприятия стали играть все более значимую роль в экономике⁷ (Lamberova and Sonin, 2018b, p. 146–151). Это подтверждает и наблюдаемое при Путине распространение практики членства действующих министров и вице-премьеров, как и других ключевых чиновников, в советах директоров ведущих компаний в качестве представителей государства (тогда как при Ельцине туда «входили, как правило, низкостатусные чиновники из министерств и комитета по управлению государственным имуществом» (Kryshtanovskaya and White, 2011, p. 28–29)). Такая практика, как и вообще тесное функциональное взаимодействие власти и бизнеса, в ходе которого чиновники приобретают связи и компетенции в коммерческой сфере, способствует занятости отставных членов правительства в компаниях, облегчая для них доступность соответствующих руководящих позиций. Некоторые члены правительства после отставки просто остаются в советах директоров, но уже на вознаграждаемой основе. Примером служит бывший вице-премьер (а до этого премьер-министр) В. А. Зубков, возглавлявший, будучи в должности, совет директоров «Газпрома» и оставшийся на этом посту после отставки. Стоит отметить, что президент Медведев в 2011 году инициировал вывод чиновников из советов директоров (это объяснялось соображениями улучшения инвестиционного климата и развития конкуренции), однако после завершения его полномочий от этого довольно быстро отказались.

В-третьих, важна заинтересованность бизнеса в привлечении на работу отставных членов правительства, которую усиливают некоторые черты политико-экономической системы России. Вообще политические связи, скла-

---

⁶ Демидова М. Зарплаты депутатов от правления Медведева до Путина выросли в 2,5 раза [Электронный ресурс] // Я – капиталист. 2020. 15 апр. URL: <https://yakapitalist-ru.turbopages.org/yakapitalist.ru/s/finansy/kak-menyalis-zarplaty-deputatov/> (дата обращения: 05.01.2023).

⁷ Мереминская Е. Госкапитализм в России вышел на новый уровень // Ведомости. 2019. 30 апр. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/04/30/800603-goskapitalizm-v-rossii-vishel-na-novii-uroven> (дата обращения: 27.01.2023).

дывающиеся тогда, когда бывшие государственные деятели оказываются в менеджменте и советах директоров, могут быть выгодны компаниям (Hillman, 2005; Luechinger and Moser, 2014), особенно в странах со слабой правовой системой и высоким уровнем коррупции (Faccio, 2010), к которым наша страна принадлежала в оба рассматриваемых периода. В России еще в 1990-е годы сложился «кумовской капитализм», при котором подобные связи первостепенны для успешного накопления капитала (особенно ярким его проявлением стали «олигархи», пользовавшиеся большим политическим влиянием во второй срок президентства Ельцина). Этот тип капитализма, судя по ряду исследований, продолжал процветать и в путинский период, несмотря на официальное провозглашение «равноудаленности» крупного бизнеса от власти⁸ (Lamberova and Sonin, 2018a; Grigoriev and Zhirkov, 2020).

Говоря конкретнее о полезных для фирм ресурсах, которыми могут обладать бывшие члены правительства, нужно особо отметить их доступ к бывшим коллегам по госаппарату, а также знание политико-административного механизма. Впрочем, в бизнесе могут быть востребованы и управленческий опыт, и высокая общественная репутация министров. Кроме того, члены правительства, возглавлявшие или курировавшие экономические министерства, вероятно, особенно ценны для фирм (прежде всего в подведомственных отраслях) в силу их компетентности в вопросах экономики и ее регулирования. В целом наличие бывших членов правительства в руководстве компаний может повышать легитимность их деятельности, улучшать информированность о работе административных органов, усиливать лоббистский потенциал, способность отстаивать свои интересы в отношениях с государством. При этом, однако, нет свидетельств того, что отставные министры в послеельцинский период стали чаще напрямую переходить в бизнес именно на позиции, официально ответственные за взаимодействие с государственными органами (GR), хотя в 2000-е годы крупные фирмы институционализировали эту функцию, активно создавая специальные должности и подразделения (Толстых, 2019, с. 229–231).

И все же востребованность правительственных деятелей в бизнесе не стоит переоценивать. Политические связи могут не только приносить выгоду, но и вредить фирмам, подчиняя их деятельность политическим соображениям (Гладышева и Кишилова, 2018, с. 37–38). Логика функционирования политико-административной сферы и бизнеса, а также компетенции, необходимые для успешной работы в них, существенно различаются. Бизнес могут отпугивать такие черты чиновников, как косность мышления, неспособность к самостоятельной работе, ориентация на процесс, а не результат, недостаточная гибкость и мобильность, неумение работать в конкурентной среде⁹. Впро-

⁸ Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России [Электронный ресурс] // RBC. 2016. 11 марта. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (дата обращения: 17.12.2022); Planet Plutocrat: The countries where politically connected businessmen are most likely to prosper [Online] // The Economist. 2014. 15 March. URL: <https://www.economist.com/international/2014/03/15/planet-plutocrat> (Accessed Dec. 17, 2022).

⁹ Буравцева М. Есть ли жизнь после госслужбы [Электронный ресурс] // Ведомости. 2013. 21 июня. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/06/21/zhizn_posle_gossluzhby (дата обращения: 02.01.2023).

чем, госкомпаниями, особенно монополиями, во многом сходны с административными органами, и в них бывшим членам правительства адаптироваться легче (тем более что, как уже отмечалось, при Путине многие из них, занимаемая должность, входили в советы директоров, приобретая соответствующие связи и компетенции).

В-четвертых, в стране с высоким уровнем коррупции, такой как Россия, возможно незаконное обогащение членов правительства за счет злоупотребления должностными полномочиями и последующий их переход в созданный или расширенный таким способом собственный или семейный бизнес. Вероятно, такие возможности были особенно велики при Ельцине, в период масштабной приватизации и становления капитализма. Показателен в этом отношении случай бывшего председателя Государственного таможенного комитета России А. С. Круглова (1992–1998), который, как выяснилось в ходе разбирательства в Высоком суде Лондона, является долларовым мультимиллиардером. После отставки он работал генеральным директором ряда фирм, которыми владел вместе с дочерьми. В своем решении судья предположил, что он мог использовать служебное положение «в период распада СССР для извлечения прибыли из реорганизации таможенной администрации – как через членов семьи, оперировавших частными таможенными терминалами, так и посредством предоставления консультационных услуг компаниям в условиях стремительно менявшихся правил»¹⁰. Впрочем, как уже отмечалось, в оба периода члены правительства очень редко сразу или в течение года после отставки оказывались в компаниях, где являлись крупными акционерами (участниками). Но в некоторых случаях, например министра сельского хозяйства в 2015–2018 годах А. Н. Ткачева и особенно вице-премьера в 1996–1997 годах В. О. Потанина, правительственная должность, вероятно, способствовала расширению контролируемого ими и уже существовавшего к моменту их назначения бизнеса¹¹.

В-пятых, переходам в коммерческую сферу после отставки может способствовать наличие предшествующего опыта работы в бизнесе, а значит, соответствующих компетенций и связей (включая узы собственности). При этом общий предшествующий опыт в бизнесе значительно шире распространен среди отставников послеельцинского периода, но такая занятость непосредственно перед вхождением в правительство несколько чаще встречается среди ельцинских отставников (11 против 8 %). Однако в обе эпохи доля тех, кто имел предшествующую занятость в коммерции, была выше среди членов правительства, которые сразу после отставки оказались в бизнесе, чем во всей исследуемой совокупности. Важно отметить,

¹⁰ *Таможня* дает добро: как первый глава российской таможни стал миллионером [Электронный ресурс] // Forbes. 2012. 6 дек. URL: <https://www.forbes.ru/news/230530-eks-glava-rossiiskoi-tamozhni-priznal-sebya-multimillionerom-v-londonskom-sude> (дата обращения: 14.12.2022).

¹¹ *Сагдиев Р., Виноградова Е.* Как агрохолдинг министра Ткачева выбился в лидеры рынка [Электронный ресурс] // Ведомости. 2016. 8 авг. URL: [<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/08/08/652058-kak-agroholding-ministra-selskogo-hozyaistva-aleksandra-tkacheva-vibilsya-lideri-rinka>] (дата обращения: 16.01.2023); *Жизнь* и бизнес олигарха Потанина [Электронный ресурс] // Компромат.Ru. URL: https://www.compromat.ru/page_9945.htm (дата обращения: 17.01.2023).

что есть целый ряд примеров, особенно при Ельцине, возвращения чиновников в те компании, в которых они были заняты до вхождения в правительство и которыми нередко продолжали владеть, будучи в должности. Так, вице-премьер В. В. Каданников, бывший до членства в правительстве гендиректором «АвтоВАЗа», после отставки возглавил совет директоров компании. Экс-вице-премьер В. О. Потанин вновь стал президентом принадлежавшего ему «ОНЭКСИМ Банка». Министр сельского хозяйства В. А. Семенов, работавший до назначения гендиректором собственной фирмы «Белая дача», после ухода с должности возглавил ее совет директоров. Еще один министр сельского хозяйства А. Н. Ткачев, ранее возглавлявший семейное ЗАО «Агрокомплекс», после отставки вошел в совет директоров компании. А вице-премьер В. Н. Игнатенко вообще не покидал должности гендиректора госпредприятия «ИТАР-ТАСС».

Наконец, в-шестых, фактором, потенциально сдерживающим непосредственные переходы членов правительства в бизнес, являются ограничения подобной занятости, налагаемые антикоррупционным законодательством, стремящимся предотвратить конфликт интересов. Такое регулирование появилось в основном уже в послеельцинский период (при Ельцине закон о противодействии коррупции принять так и не удалось) в отношении не только государственных служащих, но и лиц, занимающих государственные должности, включая членов правительства. Согласно указу президента 2011 года, до истечения двух лет со дня освобождения от должности такие лица вправе занимать должности в коммерческой организации, отдельные функции по государственному управлению которой входили в их должностные обязанности, только после получения согласия Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции¹². Однако трудно сказать, насколько действенна эта ограничительная мера. Во всяком случае, более или менее прямых переходов членов правительства в бизнес, включая компании, относящиеся к тем отраслям, которые они курировали, будучи в должности, в послеельцинский период в целом меньше не стало.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительный анализ постправительственной карьеры в ельцинский и послеельцинский периоды позволил сделать ряд выводов о ее основных тенденциях, связанных, в частности, с изменениями в политическом и экономическом устройстве России, повлиявшими на привлекательность и доступность позиций в различных властных институтах.

Во-первых, существенно возросла роль федеральных административных органов как канала непосредственной карьеры членов правительства после отставки. Причем в первую очередь обращает на себя внимание учащение в послеельцинский период прямых переходов правительственных деятелей

¹² О некоторых вопросах организации деятельности президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 25.02.2011 № 233. URL: <https://base.garant.ru/12183234/> (дата обращения: 07.01.2023).

в АП, которым сильно способствовала рокировка президента и премьер-министра в мае 2012 года, вызвавшая соответствующий переток властных кадров. Усиление роли АП в системе власти повысило привлекательность ключевых позиций в ней. Оно проявилось, в частности, в том, что президентская бюрократия стала более важным источником рекрутирования членов правительства, а наличие предшествующего опыта работы в АП и соответствующих связей и компетенций облегчило переход туда после отставки. Кроме того, более высокая стабильность правительственных кадров при Путине и Медведеве, значительное уменьшение частоты выбытий из правительства сократили спрос на ключевые позиции в АП и вообще федеральной администрации, облегчив трудоустройство экс-министров. В целом представляется, что обмен кадрами между правительством и АП, способствующий их взаимопониманию и взаимодействию (и в этом смысле сплочению), а также усиливающий контроль президента над исполнительной властью, во многом следствии сознательной стратегии главы государства.

Во-вторых, переходы членов правительства в федеральный парламент (именно в ГД, но не в СФ), напротив, стали при Путине и Медведеве более редкими, чем при Ельцине. Это неудивительно, учитывая ослабление роли законодательных позиций для отставных правительственных деятелей. Уменьшение значимости парламента проявилось, в частности, в сокращении доли министров с предшествующим законодательным опытом, который, в принципе, способствует возвращению в законодательство после отставки. Впрочем, с другой стороны, усиление контроля президента над ФС в послеельцинский период в определенной мере способствовало движению туда отставных членов правительства, расширив возможности главы государства продвигать их на парламентские посты, а изменение порядка формирования СФ в 2000 году увеличило количество законодательных позиций, потенциально доступных для членов правительства.

В-третьих, что касается региональных администраций, то переходы в них с правительственных позиций редки в оба рассматриваемых периода. Но в послеельцинское время случаев, когда члены правительства становились губернаторами, причем чаще всего крупнейших, наиболее значимых субъектов Российской Федерации, заметно больше. Централизация власти, усиление контроля центра над регионами, включая рекрутирование их глав, облегчили движение кадров в обоих направлениях, проявившись в росте доли выходцев из федеральной администрации в губернаторском корпусе.

В-четвертых, доля переходов из правительства в бизнес (как правило, на ключевые позиции) в целом сходна в оба периода, хотя в послеельцинское время она немного возросла. Похожи и некоторые другие характеристики пантуфляжа: доминирование крупного бизнеса как канала посткарьер в коммерческой сфере и выраженность миграции членов правительства в те отрасли, которые они курировали, будучи в должности (она не сократилась, несмотря на введение законодательных ограничений). Однако если при Ельцине члены правительства, ушедшие в бизнес, в большинстве случаев оказывались в частном секторе, то в последующее время – в основном в госу-

дарственным. В оба рассматриваемых периода ряд факторов способствовали пантуфляжу, включая высокие доходы в коммерческой сфере и заинтересованность фирм в привлечении на работу правительственных деятелей, усиленную кумовским характером российского капитализма. При этом, как представляется, при Путине, когда широкомасштабная приватизация постепенно сменилась политикой укрепления и расширения государственного сектора, возросла значимость соображений упрочения контроля над крупными госкомпаниями как фактора продвижения отставных членов правительства на ключевые позиции в них. Кроме того, получила более широкое распространение практика членства действующих министров в советах директоров компаний, способствующая их занятости в бизнесе и после отставки.

Наконец, анализ постправительственной карьеры в целом показывает, что в послеельцинский период возросла доля правительственных деятелей, занимавших сразу после отставки позиции, позволяющие отнести их к одной из трех основных властных групп – административной, законодательной или экономической (тогда как при Ельцине переходы, включая возвращения, в другие сферы, прежде всего в научно-образовательную, происходили чаще). Можно говорить и о повышении устойчивости членства бывших правительственных деятелей в элите федеральной государственной власти (доля сохранивших принадлежность к ней сразу после отставки возросла с 34 % до 47 %), и особенно в федеральной административной элите. Эти тенденции отчасти объясняются уменьшением частоты отставок с правительственных должностей и, соответственно, спроса на элитные позиции в других сферах и более продуманной, «бережной» кадровой политикой при Путине и Медведеве.

Список источников

Гладышева А. А., Кишилова Ю. О. Влияние политических связей и государственной собственности на деятельность фирм в России // Корпоративные финансы. 2018. Т. 12, № 1. С. 20–43. <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.12.1.2018.20-43>.

Голосов Г. От постдемократии к диктатуре: консолидация электорального авторитаризма в России // Новая реальность: Кремль и Голем. Что говорят итоги выборов о социально-политической ситуации в России / Под ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия, 2021. С. 98–112.

Ельцин Б. Н. Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. М.: РОССПЭН, 2008. 383 с.

Зуйков А. В. Администрация Президента России в 1996–2000 годах: расцвет на закате // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 140–159.

Стрелец И. Э. Ельцин и Путин: Президентское лидерство в контексте российской политической трансформации // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 2. С. 180–210. <https://doi.org/10.31249/ape/2019.02.09>.

Тев Д. Б. Члены правительства РФ: особенности постправительственной карьеры // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28, № 4. С. 6–29. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-6-29>.

Толстых П. А. GR. Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. М.: Перо, 2019. 1245 с.

Флягин А. М. Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов. 1991–2019 гг. // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 1. С. 29–39. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-29-39>.

Ananyev M. Inside the Kremlin: The presidency and executive branch // The new autocracy: Information, politics, and policy in Putin's Russia / Ed. by D. Treisman. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2018. P. 35–54.

Blondel J. The post-ministerial careers // The profession of government minister in Western Europe / Ed. by J. Blondel, J.-L. Thiébault. New York: St. Martin's Press, 1991. P. 153–173. https://doi.org/10.1007/978-1-349-11395-8_10.

Borchert J. Individual ambition and institutional opportunity: A conceptual approach to political careers in multi-level systems // Regional and Federal Studies. 2011. Vol. 21, № 2. P. 117–140. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757>.

Burkhardt F. Institutionalising authoritarian presidencies: Polymorphous power and Russia's Presidential Administration // Europe-Asia Studies. 2021. Vol. 73, № 3. P. 472–504. <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1749566>.

Cerrillo-i-Martínez A. Beyond revolving doors: The prevention of conflicts of interests through regulation // Public Integrity. 2017. Vol. 19, № 4. P. 357–373. <https://doi.org/10.1080/10999922.2016.1225479>.

Claveria S., Verge T. Post-ministerial occupation in advanced industrial democracies: Ambition, individual resources and institutional opportunity structures // European Journal of Political Research. 2015. Vol. 54, № 4. P. 819–835. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12107>.

Dörrenbächer N. Patterns of post-cabinet careers: When one door closes another door opens? // Acta Politica. 2016. Vol. 51, № 4. P. 472–491. <https://doi.org/10.1057/ap.2016.10>.

Faccio M. Differences between politically connected and nonconnected firms: A cross-country analysis // Financial Management. 2010. Vol. 39, № 3. P. 905–928. <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.

Fish M. S., Kroenig M. The handbook of national legislatures: A global survey. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 800 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511575655>.

Gill T. M. The persistence of the power elite: Presidential cabinets and corporate interlocks, 1968–2018 // Social Currents. 2018. Vol. 5, № 6. P. 501–511. <https://doi.org/10.1177/2329496518797857>.

Grigoriev I., Zhirkov K. Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010 // Research and Politics. 2020. Vol. 7, № 4. 6 p. <https://doi.org/10.1177/2053168020979434>.

Hillman A. J. Politicians on the board of directors: Do connections affect the bottom line? // Journal of Management. 2005. Vol. 31, № 3. P. 464–481. <https://doi.org/10.1177/0149206304272187>.

Hoffmann-Lange U. Theory-based typologies of political elites // The Palgrave handbook of political elites / Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 53–68. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_6.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43, № 4. P. 363–372. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004>.

Huskey E. Presidential power in Russia. Armonk; London: M. E. Sharpe, 1999. 295 p.

Kryshchanovskaya O., White S. Losing power in Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2005. Vol. 21, № 2. P. 200–222. <https://doi.org/10.1080/13523270500108725>.

Kryshchanovskaya O., White S. The formation of Russia's network directorate // *Russia as a network state: What works in Russia when state institutions do not?* / Ed. by V. Kononenko, A. Moshes. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 19–38.

Lamberova N., Sonin K. Economic transition and the rise of alternative institutions: Political connections in Putin's Russia // *Economics of Transition*. 2018a. Vol. 26, № 4. P. 615–648. <https://doi.org/10.1111/ecot.12167>.

Lamberova N., Sonin K. The role of business in shaping economic policy // *The new autocracy: Information, politics, and policy in Putin's Russia* / Ed. by D. Treisman. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2018b. P. 138–158.

Luechinger S., Moser C. The value of the revolving door: Political appointees and the stock market // *Journal of Public Economics*. 2014. Vol. 119. P. 93–107. <http://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2014.08.001>.

Nicholls K. The dynamics of national executive service: Ambition theory and the careers of presidential cabinet members // *The Western Political Quarterly*. 1991. Vol. 44, № 1. P. 149–172. <https://doi.org/10.1177/106591299104400109>.

Noble B., Schulmann E. Not just a rubber stamp: Parliament and law-making // *The new autocracy: Information, politics, and policy in Putin's Russia* / Ed. by D. Treisman. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2018. P. 55–87.

Petrov N. The elite: New wine into old bottles? // *Russian Politics and Law*. 2017. Vol. 55, № 2. P. 115–132. <https://doi.org/10.1080/10611940.2017.1393260>.

Rasmussen A., Buhmann-Holmes N., Egerod B. C. K. The executive revolving door: New dataset on the career moves of former Danish ministers and permanent secretaries // *Scandinavian Political Studies*. 2021. Vol. 44, № 4. P. 487–502. <https://doi.org/10.1111/1467-9477.12214>.

Информация об авторе

Д. Б. Тев – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, 190005, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 7-ая Красноармейская, 25/14

SPIN-код (РИНЦ): 6278-5841

AuthorID (РИНЦ): 180843

Web of Science ResearcherID: N-5461-2017

Scopus Author ID: 33068267600

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 29.03.2023.

References

Gladysheva, A. A. and Kishilova, Yu. O. (2018), “The influence of political connections and government ownership on firm performance: Evidence from Russia”, *Journal of Corporate Finance Research*, vol. 12, no. 1, pp. 20–43, <https://doi.org/10.17323/j.cjfr.2073-0438.12.1.2018.20-43>.

Golosov, G. (2021), “From post-democracy to dictatorship: Consolidation of electoral authoritarianism in Russia”, in Rogov, K. (ed.), *Novaya real'nost': Kremli i Golem. Chto govoryat itogi vyborov o sotsial'no-politicheskoi situatsii v Rossii* [New reality: The Kremlin and the Golem. What do the election results say about the socio-political situation in Russia?], Liberal'naya missiya, Moscow, Russia, pp. 98–112.

Yeltsin, B. N. (2008), *Prezidentskii marafon. Razmyshleniya, vospominaniya, vpechatleniya* [Presidential marathon. Reflections, memories, impressions], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Zuikov, A. V. (2012), “The golden age at the demise: The presidential administration of Russia in 1996–2000”, *Comparative Constitutional Review*, no. 4, pp. 140–159.

Strelets, I. E. (2019), “Yeltsin and Putin: Leadership in the context of Russia's political transformation”, *Current Problems of Europe*, no. 2, pp. 180–210, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.02.09>.

Tev, D. B. (2019), “Members of the Russian government: Features of post-government careers”, *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 28, no. 4, pp. 6–29, <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-6-29>.

Tolstyh, P. A. (2019), *GR. Polnoe rukovodstvo po razrabotke gosudarstvenno-upravlencheskikh reshenii, teorii i praktike lobbirovaniya* [GR. A complete guide to the development of public management decisions, the theory and practice of lobbying], Pero, Moscow, Russia.

Flyagin, A. M. (2020), “How the portrait of the Russian governors has changed: Analyzing biographies of the heads of Russian regions. 1991–2019”, *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 14, no. 1, pp. 29–39, <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-29-39>.

Ananyev, M. (2018), “Inside the Kremlin: The presidency and executive branch”, in Treisman, D. (ed.), *The new autocracy: Information, politics, and policy in Putin's Russia*, Brookings Institution Press, Washington, D.C., US, pp. 35–54.

Blondel, J. (1991), “The post-ministerial careers”, in Blondel, J. and Thiebault, J.-L. (eds.), *The profession of government minister in Western Europe*, St. Martin's Press, New York, NY, US, pp. 153–173, https://doi.org/10.1007/978-1-349-11395-8_10.

Borchert, J. (2011), “Individual ambition and institutional opportunity: A conceptual approach to political careers in multi-level systems”, *Regional and Federal Studies*, vol. 21, no. 2, pp. 117–140, <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757>.

Burkhardt, F. (2020), “Institutionalising authoritarian presidencies: Polymorphous power and Russia's presidential administration”, *Europe-Asia Studies*, vol. 73, no. 3, pp. 472–504, <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1749566>.

Cerrillo-i-Martínez, A. (2017), “Beyond revolving doors: The prevention of conflicts of interests through regulation”, *Public Integrity*, vol. 19, no. 4, pp. 357–373, <https://doi.org/10.1080/10999922.2016.1225479>.

Claveria, S. and Verge, T. (2015), "Post-ministerial occupation in advanced industrial democracies: Ambition, individual resources and institutional opportunity structures", *European Journal of Political Research*, vol. 54, no. 4, pp. 819–835, <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12107>.

Dörrenbächer, N. (2016), "Patterns of post-cabinet careers: When one door closes another door opens?", *Acta Politica*, vol. 51, no. 4, pp. 472–491, <https://doi.org/10.1057/ap.2016.10>.

Faccio, M. (2010), "Differences between politically connected and nonconnected firms: A cross-country analysis", *Financial Management*, vol. 39, no. 3, pp. 905–928, <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.

Fish, M. S. and Kroenig, M. (2009), *The handbook of national legislatures: A global survey*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511575655>.

Gill, T. M. (2018), "The persistence of the power elite: Presidential cabinets and corporate interlocks, 1968–2018", *Social Currents*, vol. 5, no. 6, pp. 501–511, <https://doi.org/10.1177/2329496518797857>.

Grigoriev, I. and Zhirkov, K. (2020), "Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010", *Research and Politics*, vol. 7, no. 4, 6 p., <https://doi.org/10.1177/2053168020979434>.

Hillman, A. J. (2005), "Politicians on the board of directors: Do connections affect the bottom line", *Journal of Management*, vol. 31, no. 3, pp. 464–481, <https://doi.org/10.1177/0149206304272187>.

Hoffmann-Lange, U. (2018), "Theory-based typologies of political elites", in Best, H. and Higley, J. (eds.), *The Palgrave handbook of political elites*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 53–68, https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_6.

Huskey, E. (2010), "Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case", *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 43, no. 4, pp. 363–372, <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004>.

Huskey, E. (1999), *Presidential power in Russia*, M. E. Sharpe, Armonk, New York, NY, US, London, UK.

Kryshtanovskaya, O. and White, S. (2005), "Losing power in Russia", *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 21, no. 2, pp. 200–222, <https://doi.org/10.1080/13523270500108725>.

Kryshtanovskaya, O. and White, S. (2011), "The formation of Russia's network directorate", in Kononenko, V. and Moshes, A. (eds.), *Russia as a network state: What works in Russia when state institutions do not?*, Palgrave Macmillan, New York, NY, US, pp. 19–38.

Lamberova, N. and Sonin, K. (2018a), "Economic transition and the rise of alternative institutions: Political connections in Putin's Russia", *Economics of Transition*, vol. 26, no. 1, pp. 615–648, <https://doi.org/10.1111/ecot.12167>.

Lamberova, N. and Sonin, K. (2018b), "The role of business in shaping economic policy", in Treisman, D. (ed.), *The new autocracy: Information, politics, and policy in Putin's Russia*, Brookings Institution Press, Washington, D.C., US, pp. 138–158.

Luechinger, S. and Moser, C. (2014), "The value of the revolving door: Political appointees and the stock market", *Journal of Public Economics*, vol. 119, pp. 93–107, <http://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2014.08.001>.

Nicholls, K. (1991), “The dynamics of national executive service: Ambition theory and the careers of presidential cabinet members”, *The Western Political Quarterly*, vol. 44, no. 1, pp. 149–172, <https://doi.org/10.1177/106591299104400109>.

Noble, B. and Schulmann, E. (2018), “Not just a rubber stamp: Parliament and lawmaking”, in Treisman, D. (ed.), *The new autocracy: Information, politics, and policy in Putin’s Russia*, Brookings Institution Press, Washington, D.C., US, pp. 55–87.

Petrov, N. (2017), “The elite: New wine into old bottles?”, *Russian Politics and Law*, vol. 55, no. 2, pp. 115–132, <https://doi.org/10.1080/10611940.2017.1393260>.

Rasmussen, A., Buhmann-Holmes, N. and Egerod, B. C. K. (2021), “The executive revolving door: New dataset on the career moves of former Danish ministers and permanent secretaries”, *Scandinavian Political Studies*, vol. 44, no. 4, pp. 487–502, <https://doi.org/10.1111/1467-9477.12214>.

Information about the author

D. B. Tev – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department on Sociology of Power and Civilian Society, Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 25/14 7-ya Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg, 190005, Russia

SPIN-code (RSCI): 6278-5841

Author ID (RSCI): 180843

Web of Science ResearcherID: N-5461-2017

Scopus Author ID: 33068267600

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 29.03.2023.